

КРЫМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ
АНТОНИ ИДЕН**

*Речи в Палате Общин
27 и 28 февраля 1945 года*

**ОТДЕЛ ПЕЧАТИ
ВЕЛИКОБРИТАНСКОГО
ПОСОЛЬСТВА • МОСКВА**

-05

Цена 50 коп.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

И 100254

U.S. KARAZIN KILARKIV NATIONAL UNIVERSITY



01343619 01

THE JOURNAL OF THE
ROYAL ANTHROPOLOGICAL INSTITUTE

THE JOURNAL OF THE
ROYAL ANTHROPOLOGICAL INSTITUTE

Volume 100, Part 1, 1970

(11) physical pk

ЦНБ ХНУ
Дата повернення:



Руководители трех великих держав на Крымской конференции.

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

Премьер-Министр Великобритании

*Речь в Палате Общин
27 февраля 1945 года*

Конференция трех держав в Крыму смело занялась рассмотрением стоящих перед ней проблем и трудностей и сделала это таким необычным образом, что результаты ее работы представляют собой акт государственной важности, относительно которого Парламент должен формально выразить свое мнение.

Правительство считает себя вправе знать, каково отношение к нему Палаты Общин. Решительное выражение поддержки со стороны Палаты укрепит наши позиции среди наших союзников.

Тем самым будут определены близкие, чуткие взаимоотношения, существующие между исполнительным органом — Правительством — и Палатой Общин, будет продемонстрирована жизненность наших демократических установлений и подчинение министров власти Парламента.

Палата не должна уклоняться от обязанностей выражать свое мнение. Мы живем в такое время, когда каждый, кто участвует в наших общественных делах, должен принимать определенные решения.

В этом мы видим также стойкость и прочность нынешнего Парламента и вообще наших парламентских институтов, выходящих из бурь войны еще более укрепленными.

Мы считали поэтому правильным и необходимым внести резолюцию поддержки, в обоснование которой мне хотелось бы представить на рассмотрение Парламента некоторые факты и соображения и положить тем самым начало нынешним трехдневным дебатам.

Трудности созыва конференции руководителей правительств трех главных союзных держав слишком очевидны.

Тот факт, что вопреки наличию всех современных методов связи между Тегеранской и Ялтинской конференциями прошло четырнадцать месяцев, является показателем этих трудностей.

Как известно, Британское правительство еще осенью хотело, чтобы состоялась эта тройственная встреча. Мы с радостью приняли решение о созыве конференции в Ялте.

Направляясь на эту конференцию, делегации Британии и Соединенных Штатов встретились на острове Мальта с тем, чтобы обсудить широкий круг наших общих военных и политических дел. Начальники генеральных штабов двух стран в продолжение трех дней совещались о планах огромных операций, которые сейчас развертываются на Западном фронте, и о планах войны против Японии, которые следовало обсудить совместно.

Министр иностранных дел, сопровождаемый высшими чиновниками и помощниками (некоторые из них к нашему прискорбию погибли в пути), также имел встречу с г-ном Стеттиниусом на Мальте.

Утром 2 февраля крейсер, на котором находился Президент, величественно вошел в покрытую боевыми шрамами гавань.



Во второй половине дня состоялось совещание начальников генеральных штабов, на котором Президент и я одобрили столь тщательно разработанные в предыдущие дни предложения, предусматривавшие доведение наших совместных усилий до высочайшего уровня и касавшиеся планирования и графика военных операций.

Тем временем Министр военного транспорта и руководители заинтересованных американских правительственных органов работали на корабле, всецело отданном в их распоряжение, над проблемами судоходства, которые определяют в настоящее время наши усилия и затрагивают использование резервов нефти, продовольствия, военных материалов и войск.

По всем этим вопросам было достигнуто полное соглашение. Это были очень трудные и запутанные вопросы, напоминавшие собой составление международного железнодорожного расписания, в котором надо предусмотреть возможность

Центральна наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ

Інв. № _____

Н109254

изменения времени отхода и прибытия для всех поездов на случай полудюжины непредвиденных осложнений. Никакого жесткого и твердого соглашения по каким-либо вопросам, подлежавшим тройственному рассмотрению, заключено не было. Эти вопросы старательно обходились в ожидании конференции.

Причина, почему сейчас так трудно с судоходством, заключается в том, что период-пик войны в Европе затянулся на много месяцев сверх тех пределов, которые считались возможными прошлой осенью, между тем как период-пик в войне против Японии приблизился в результате американских побед на Тихом океане. Но вместо одного периода-пик, сходящего на-нет и перерастающего в другой, мы имеем дело с таким положением, когда один период-пик находит на другой, или с двойным периодом-пик в тех двух войнах, которые мы ведем совместно на противоположных концах земного шара.

Хотя за последние два года наши общие потери от действий подводных лодок перестали играть ощутимую роль в наших главных операциях, хотя Соединенные Штаты гигантским потском выпускают вновь построенные суда и хотя у союзников теперь имеется гораздо больше судов, чем когда-либо раньше за время войны, нехватка судоходных ресурсов стесняет нас гораздо сильнее, чем когда-либо прежде за время этой войны.

Такие же двойные усилия отражаются, разумеется, на всех наших приготовлениях к переходу к мирному периоду, включая жилищное строительство и остро необходимые товары гражданского потребления.

Все эти факты требуют самой жестокой и пытливой экономии со стороны военных ведомств, где снисходительность, просчеты или расточительность любого сорта равносильны серьезному ущербу для нашего общего дела.

Эти обстоятельства плачевно лимитируют наши возможности удовлетворить колоссальные потребности освобожденных территорий.

Я не желаю, чтобы Англия урезывала свои совершенно необходимые запасы продовольствия и нефти, за исключением тех случаев, когда можно обеспечить их быстрое и надежное восполнение. С учетом этого мы сделаем все от нас зависящее для того, чтобы помочь освобожденным странам.

Легко видеть, какой серьезный характер носили перегово-

ры, в которых от нашего имени участвовал Министр военного транспорта лорд Лезерс, являющийся компетентным специалистом в этих делах.

Мы имеем теперь основание быть удовлетворенными тем справедливым и дружеским распределением бремени трудностей, которое предусмотрено соглашением между Британией и Соединенными Штатами, оно охватывает собой всю сферу межсоюзного судоходного фонда.

Итак, на одном корабле происходили дипломатические совещания, на другом шли военные переговоры, на третьем разбиралась эта большая проблема судоходства.

Затем к концу переговоров на Мальту прибыл Президент. Результаты этих совещаний были представлены ему и мне. Я был в курсе всего происходящего и мы вместе одобрили все эти решения, которые немедленно начали претворяться в жизнь.



После этого мы все вылетели с Мальты, благополучно приземлились на аэродроме в Крыму и двинулись в автомобилях через горы, — о них мы слышали довольно страшные рассказы, оказавшиеся во многом преувеличенными, — пока не нашли пристанища на южном побережье Крыма. Этот берег, прикрытый горами, представляет собой прекрасную черноморскую Ривьеру, где фашисты не уничтожили несколько дач и дворцов, сохранившихся от канувшего в вечность императорского аристократического режима.

Приложив все усилия, использовав всю свою изобретательность, наши русские хозяева привели эти здания в хорошее состояние и позаботились о нашем устройстве и удобствах в духе подлинно русского гостеприимства.

Горизонт закрывали собой горы и обрывы, за ними лежали опустошенные поля и разрушенные жилища Крыма, дважды пройденного в смертельной борьбе советскими и германскими армиями. Здесь, на этом берегу, мы проработали девять дней и в эти дни вплотную занялись многими проблемами, при этом дружба между нами все время росла.

В Англии мне пришлось столкнуться с критикой того, что Франция не была приглашена принять участие в Ялтинской конференции. Первым принципом английской политики в

Западной Европе является сильная Франция и сильная французская армия. Однако все три великие державы, собравшиеся в Крыму, считали, что в то время, как они несут главную ответственность, так как на них лежит основное бремя ведения войны и политики, тесно связанной с операциями, они не могут допустить, чтобы выдвигались какие-либо ограничения в отношении их права встречаться, когда им это кажется необходимым, для того чтобы они могли эффективно выполнять свой долг в общем деле. Эта точка зрения, конечно, не исключает самых ответственных встреч, на которые будут приглашаться другие державы.

Франция может поэтому найти много оснований для удовлетворения решениями Крымской конференции.

Согласно этим решениям Франции будет предложено оккупировать определенную зону Германии, которую мы сразу же выделим вместе с ней, и послать своих представителей в Союзную контрольную комиссию в Германии, которая будет контролировать всю жизнь этой страны после ее безоговорочной капитуляции.

Франция приглашается примкнуть к Соединенным Штатам, к Соединенному Королевству, Союзу Советских Социалистических Республик и Китаю в рассылке приглашений на конференцию в Сан-Франциско, которая назначается на 25 апреля текущего года.

Франция получила приглашение примкнуть к Соединенным Штатам, Соединенному Королевству и Советскому Союзу в осуществлении процедуры, установленной декларацией об освобожденной Европе.

Ее представители будут включены также в состав Европейской консультативной комиссии, которой поручены самые важные задачи, включая консультирование соответствующих правительств относительно важнейших вопросов, связанных с политикой в отношении Германии. Эта комиссия при содействии французских представителей уже завершила работу по составлению подробных условий получения и принятия безоговорочной капитуляции.

В этой области все предусмотрено. Если крах германской мощи произойдет завтра, то нет ничего, что не было бы предусмотрено и разработано заранее важной Европейской консультативной комиссией, состоящей из послов Вайнанта и Гусева и сэра Вильяма Стронга из Министерства иностранных дел. Эта комиссия должна также консультировать нас

по различным вопросам, связанным с Германией, кроме тех, которые подлежат рассмотрению наших военных властей.

Все эти мероприятия ясно показывают, какую важную роль призвана играть Франция в устройении Европы и как хорошо осознан тот факт, что она должна быть тесно связана с другими великими державами в этом деле.

Стремясь еще полнее осветить работу Крымской конференции, мы послали г-ну Бидо, французскому Министру иностранных дел, приглашение посетить Лондон при первой же возможности.

Он любезно воспользовался приглашением, и за последние несколько дней мы имели удовольствие провести ряд разъясняющих бесед с ним, причем ему была дана возможность получить полную информацию о всей ситуации и выразить в этой связи наиболее эффективным образом взгляды и пожелания Франции.

О мировой организации безопасности я могу сообщить лишь немного, что выходит за рамки опубликованных решений конференции и, разумеется, сообщений, исходивших ранее из Думбартон-Окса.

На Крымской конференции три великие державы пришли к соглашению относительно решения трудного вопроса о процедуре голосования, на который не было найдено ответа в Думбартон-Оксе. Соглашение по этому жизненно важному вопросу дало нам возможность сделать дальнейший шаг вперед в создании новой международной организации, и принимаются меры для рассылки приглашений на конференцию Объединенных Наций, которая, как я уже сказал, соберется в Сан-Франциско через пару месяцев.

Мне хотелось бы иметь возможность сообщить Палате все подробности решения вопроса о процедуре голосования, относительно которой представители трех великих держав, расходившиеся ранее, теперь полностью договорились. Мы сочли, однако, что мы должны проконсультироваться как с Францией, так и с Китаем и должны попытаться заручиться их согласием, прежде чем эта формула будет опубликована.

В настоящий момент поэтому я могу только коснуться этого вопроса в общих чертах. Это трудность, которую необходимо разрешить. Именно на великие державы падет главное бремя сохранения мира и безопасности. Новая международная организация должна принять во внимание эту особую ответственность великих держав и должна быть построена таким образом, чтобы не нарушать их единства или

мешать их способности эффективно действовать, в случае необходимости, без промедления. В то же самое время международная организация не может основываться на диктатуре великих держав. Их долг — служить миру, а не господствовать над ним.

Мы надеемся, что процедура голосования, относительно которой мы пришли к соглашению в Ялте, отвечает этим двум существенным требованиям и обеспечивает систему, которая является справедливой и приемлемой и предусматривает очевидные трудности, которые встанут перед всяким, кто глубоко задумывается над этим вопросом.

На конференции в Сан-Франциско, по приглашению Соединенных Штатов, Великобритании и Британского Содружества, Союза Советских Социалистических Республик, Временного Правительства Франции и Китайской республики, встретятся представители всех Объединенных Наций, объявивших войну Германии или Японии к 1 марта 1945 года и подписавших декларацию конференции Объединенных Наций.

Многие страны объявляют или уже объявили войну после Ялтинской конференции. Их акции должны рассматриваться с уважением и удовлетворением теми, кто вынес на своих плечах главную тяжесть войны.

Наша будущность будет упрочена и обогащена сотрудничеством этих держав. Выступая совместно в качестве основателей, мы все должны сделать первые шаги к созданию мировой организации, которая, как мы надеемся, в конце концов и должным порядком включит в себя все страны мира.

К этой мощной вооруженной организации обращаем мы наши взоры как к силе, способной предотвратить агрессивные войны и подготовку таких войн, обеспечить разрешение споров между большими и малыми странами мирными и законными средствами — убеждением, давлением общественного мнения, законодательными мерами и, в конечном счете, средствами иного порядка, которые и образуют фундамент этой новой организации.

Прежняя Лига Наций, весьма потрепанная и, как оказалось, неспособная разрешить задачи, которые она себе ставила, будет заменена гораздо более мощным органом, в котором Соединенные Штаты будут играть жизненно важную роль.

Этот организм воплотит в себе многие черты и особенности своих предшественников. Вся работа, которая была проде-

лана в прошлом, весь опыт, накопленный в процессе работы Лиги Наций, не будут отброшены, однако новая организация будет отличаться от Лиги Наций в одном существенном принципе, а именно в том, что она не будет бояться диктовать свою волю преступникам или злоумышленникам своевременно и силою оружия.

Эта организация, способная непрерывно идти вперед и развиваться, отвечает той фазе, в которую вступит мир после разгрома наших нынешних противников. Мы имеем основания надеяться и, более того, быть твердо уверенными в том, что она защитит человечество от третьего приступа мучений.

В период между двумя войнами мы все осознали слабые места международных организаций, чья работа серьезно осложнена тем же злополучным происшествием, которое имело место при строительстве Вавилонской башни.

Наученные горьким опытом, мы надеемся теперь довести до сознания мира силу нового механизма, его способность защитить всех тех, кто желает жить в мире в своих пределах.



Эта новая мировая организация с самого начала своей деятельности и во всех областях своей работы будет в наибольшей степени пользоваться содействием нормальных дипломатических форм дружеских отношений, которые ею никоим образом не устраняются.

Мы полны решимости сделать все, что в наших возможностях, чтобы обеспечить успех конференции Объединенных Наций.

Совершенно ясно, что на этой конференции должны быть по праву представлены две ведущие партии Правительства Его Величества и британской нации. Все партии будут связаны в будущем этим решением.

Я рад сообщить Палате, что главными представителями Его Величества на этой конференции будут Министр иностранных дел г-н Иден и Лорд-президент Совета, лидер лейбористской партии г-н Эттли.

Я лично озабочен тем, чтобы этот принцип соблюдался даже в то время, которое, возможно, является заключительной фазой нашей исторической коалиции. Я озабочен тем, чтобы все партии были объединены этим новым механизмом с тем, чтобы эта высшая сила, говоря словами Гладстона,

стояла над всеми приливами и отливами партийно-политических распрей. Я не проверял цитаты и прошу извинить меня за возможные неточности.

Союзники пришли к Крымской конференции более тесно объединенными, чем когда-либо ранее, как в военном, так и в политическом отношениях. Пусть Германия знает, что бесполезно надеяться на раскол между союзниками и что ничто не может предотвратить ее полный разгром.

Дальнейшее сопротивление повлечет за собой лишь новые страдания. Союзники твердо решили, что Германия будет полностью разоружена, что нацизм и милитаризм Германии будут уничтожены, что военные преступники будут справедливо и быстро наказаны и что вся германская промышленность, способная к военному производству, будет ликвидирована или поставлена под контроль, что Германия компенсирует натурой, до предела своих возможностей, ущерб, причиненный союзным странам.

С другой стороны, союзники не ставят своей целью уничтожить народ Германии или оставить его без необходимых средств к существованию. Наша политика заключается не в том, чтобы мстить, а в том, чтобы принять такие меры, которые будут необходимы для обеспечения будущего мира и всеобщей безопасности. Когда-нибудь немцы получат место в общей семье наций, но лишь после того, как все признаки нацизма и милитаризма будут эффективно и окончательно ликвидированы.

Относительно общего плана действий достигнуто полное согласие. Что касается мероприятий по его осуществлению, то предстоит еще большая работа.

Планы, касающиеся Союзной контрольной комиссии, приобретут силу сразу же после разгрома Германии. Что касается мероприятий, рассчитанных на более продолжительное время, то имеется много вопросов большой важности, относительно которых союзникам еще предстоит разработать детальные планы.

Было бы большой ошибкой предполагать, что можно разрешить вопросы такого рода и что можно найти решения для многих запутанных и сложных проблем в то время, когда армии находятся еще в походе. Спешка в делах этого рода легко могла бы вызвать отчуждение в среде союзников.

Разрешение многих из этих вопросов должно быть отложено до того времени, когда руководители союзных держав, освободившись от бремени руководства войной, смогут все или

главное свое внимание уделить мудрому и дальновидному мирному устройству, которое, как я верю, явится основой, во многом способствующей работе мировой организации.

Я перехожу теперь к самой трудной и волнующей части моего заявления Палате — вопросу о Польше.

В течение более чем года с тех пор, когда наметился решительный поворот в войне против Германии, польская проблема распадалась на два главных вопроса: границы Польши и свобода Польши.

Палата прекрасно знает из моих выступлений, что Правительству Его Величества всегда казался более важным вопрос о свободе, независимости, целостности и суверенности Польши, нежели вопрос о фактических ее границах.

Меня всегда занимал больше вопрос о создании свободного Польского государства с хорошим домом для польского народа, нежели вопрос о демаркации границы или передвижении границ Польши дальше на запад.



Требование русских, впервые выдвинутое в Тегеране в ноябре 1943 года, всегда оставалось неизменным и основывалось на линии Керзона на востоке, и русские всегда предлагали предоставить Польше полную компенсацию за счет Германии на севере и западе.

Все эти аспекты вопроса достаточно хорошо известны.

Министр иностранных дел в декабре прошлого года подробно разъяснил историю линии Керзона. Я никогда не скрывал от Палаты, что лично считаю, что русское требование справедливо и правильно.

Если я являюсь сторонником такой границы для России, то это не потому, что я склоняюсь перед силой, а потому, что я считаю это справедливейшим разделом территории, который может быть произведен при всех обстоятельствах между двумя странами, чья история была так тесно связана и так переплеталась.

Линия Керзона была намечена в 1919 году комиссией экспертов, членом которой был один из наших наиболее выдающихся дипломатов тех дней — сэр Эйр Кроу.

Она была намечена в то время, когда Россия имела мало друзей среди союзников.

Я даже могу сказать, что она была исключительно непо-

пулярна. Никто не может предположить, что обстоятельства или причастные личности были бы в те дни излишне благосклонны к Советской России. Они просто пытались наметить правильную и соответствующую линию.

Британское правительство того периода одобрило эту линию, в том числе, конечно, и исключение Львова из состава Польши. Оставляя в стороне все, что произошло, я не могу считать, что нам не следует рассматривать это как справедливое и компетентное предложение.

Чтобы отдать должное нашему великому союзнику, следует помнить о двух вещах. Во-первых, вспомним август 1914 года, когда Германия первая объявила войну царской России. В те дни русская граница была значительно более выдвинутой на запад, нежели та, которую Советская Россия теперь желает иметь после всех пережитых ею страданий и после ее побед.

В границы России входила вся Финляндия и варшавский выступ, западный рубеж которого отстоял от Бреславля на 96 километров.

Россия принимает границу, которая на огромном протяжении тянется в 320—480 километрах восточнее ее прежних границ, существовавших при царском режиме в течение многих поколений.

Маршал Сталин рассказал мне однажды, что Ленин был против линии Керзона, так как она предусматривала отторжение от России Белостока и прилегающих к нему районов. Маршал Сталин и нынешнее Советское правительство не выдвигают подобных требований и добровольно соглашаются с точкой зрения, высказанной Союзной комиссией в 1919 году, согласно которой район Белостока должен отойти к Польше, ибо польское население составляет там большинство.

Линия Керзона не есть граница: граница должна быть намечена и проведена на местности, а не просто нарисована на карте карандашом и линейкой.

Об этом говорил мне Маршал Сталин в бытность мою в Москве в октябре. Он сказал мне также, что возможны отклонения в ту или иную сторону на 8—10 километров с тем, чтобы граница проходила по водным рубежам или горам или фактическим границам определенных селений. Мне кажется, что это чрезвычайно разумный взгляд на вещи.

Однако, когда мы встретились в Ялте, русские внесли новые предложения. Было ясно сказано, что все эти небольшие изменения будут сделаны в ущерб России, а не в ущерб

Польши, с тем, чтобы поляки могли быть спокойны раз и навсегда и чтобы к этому вопросу больше не возвращаться.

Мы приветствовали эти советские предложения.

Мы должны рассматривать эти тридцать с лишним лет раздоров, беспорядков и страданий в Европе как часть одного исторического периода. Я — участник всего этого периода, так как в 1911 году был направлен в Адмиралтейство для подготовки флота к предстоящей войне с Германией.

В своей основе — это история тридцатилетней войны, более чем тридцати лет войны, в которой британцы, русские, американцы и французы сражались до предела своих возможностей, сопротивляясь германской агрессии. От каждого из нас это потребовало самых тяжелых жертв. Но наибольшие жертвы принес русский народ, чья страна дважды подвергалась разорению. На широких просторах лилась кровь десятков миллионов русских людей, павших за общее дело. Ныне мы доводим его до окончательного завершения.

Помимо чувства постоянства есть еще и другая причина, о которой я помню.



Если бы не было колоссальных усилий и жертв со стороны России, — Польша была бы обречена на полную гибель от рук немцев. Не только Польша как государство и нация, но поляки как народ были обречены Гитлером на уничтожение или порабощение.

По имеющимся сведениям, убито три с половиной миллиона польских евреев. Совершенно ясно, что огромное число их пало жертвой одного из самых страшных актов жестокости, вероятно, самого страшного акта жестокости, который только знало человечество.

Когда немцы открыто признали свое намерение превратить поляков в подчиненную и низшую расу под владичеством народа-господ, внезапно русские армии, великолепно сочетая военную силу и мастерство, менее чем за три недели, с тех пор как мы говорили об этих вопросах здесь, — продвинулись от Вислы до Одера, гоня перед собой немцев в беспорядке и освобождая всю Польшу от чудовищной жестокости и угнетения, которым подвергались поляки.

Я отвергаю и отмечаю всякое предположение о том, что мы, поддерживая русское требование на линию Керзона,

идем на сомнительный компромисс или уступаем силе или страху, и я подтверждаю с глубочайшим убеждением полную справедливость политики, которой все три великих союзника впервые придерживаются теперь. Больше того, три державы договорились теперь о том, что Польша получит существенное приращение территории на севере и на западе.

На севере она, конечно, получит крупный город Данциг и большую часть Восточной Пруссии к западу от Кенигсберга и к югу, а также на широком протяжении — побережье Балтийского моря.

На западе она получит важную промышленную область — Верхнюю Силезию и кроме того те другие территории к востоку от Одера, которые на мирной конференции будет решено отрезать от Германии, после того как будут выяснены взгляды Польского правительства, опирающегося на широкую основу.

Поэтому мне кажется, что разговоры об отторжении половины Польши совершенно не основательны.

В самом деле, территория, которая находится к востоку от линии Керзона, ни в коем случае не может оцениваться по своей площади. В нее входят громадные пустынные районы Пинских болот, которыми Польша располагала в промежутке между двумя войнами и которые ныне она обменивает на значительно более плодородные и промышленные области на западе. Большая часть немецкого населения, проживающего в этих районах, в настоящее время выехала.

Не следует опасаться, что задача удержания этих новых земель окажется слишком тяжелой для Польши, или что она повлечет за собой новый немецкий реванш, или, пользуясь избитой фразой, что она посеет семена будущих войн.

Мы намерены предпринять значительно более решительные и действенные меры, чем те, которые были приняты после прошлой войны, потому что мы знаем значительно больше по этому вопросу, чтобы полностью исключить возможность каких-либо наступательных действий со стороны Германии в течение будущего поколения.

И, наконец, благодаря международной организации все нации, великие и малые, победители или побежденные, будут гарантированы против агрессии непрерываемым законом и подавляющей международной военной силой.

Опубликованное Крымское соглашение не является трафаретным планом, навязанным великими державами польскому народу.

Оно излагает согласованные взгляды трех главных союзников на то, каким образом может быть осуществлено их общее стремление к созданию сильной, свободной, независимой Польши в сотрудничестве с самими поляками и каким образом может быть создано Польское правительство, которое смогут признать все Объединенные Нации. Возможность создания такого правительства в Польше возникла лишь теперь, когда почти вся страна освобождена советскими армиями. Проведение в жизнь этого плана будет зависеть от готовности всех слоев польской демократической общественности в Польше и за ее пределами действовать сплоченно.

Но план должен быть изучен, как единое целое, всегда имея в виду главную и общую цель. Три державы согласились, что принятие поляками восточных границ и, постольку, поскольку это возможно ныне, западных границ является важнейшим условием установления и будущего благополучия сильного, свободного, независимого, целостного Польского государства.

Предложения по поводу границ находятся в полном соответствии, как это помнит Палата, с точкой зрения, изложенной мной в Парламенте от имени Британского правительства много раз на протяжении последнего года.

Я рискнул выступить с заявлением по этому вопросу в то время, когда другие важные заинтересованные стороны не выразили еще своего согласия по ряду важных деталей.

Чтобы польская администрация могла с успехом вести свою работу на собственной ее территории, чтобы она могла это делать в полном согласии с русскими, которые находятся в тылу Восточного фронта, необходимо теперь решить вопрос о восточной границе.

Западные границы Польши, предполагающие значительную прирезку Польше германских территорий, не могут быть фиксированы до полного решения судьбы Германии, что произойдет после оккупации союзниками германской территории и после того, как Польское правительство, широко представляющее свою страну, сможет высказать свои пожелания.

Будет громадной ошибкой заставлять Польшу взять большую территорию, нежели ту, которой она способна, по мнению ее друзей и союзников, управлять, развивать и сохранять с помощью союзников и международных организаций.

На этом я заканчиваю вопрос о границах Польши.

Должен сказать, что, как я полагаю, это вопрос, в котором я могу рассчитывать на величайшее доверие Палаты Общин.

Примите беспристрастную линию, разработанную давным-давно организациями, в которых британская комиссия играла ведущую роль, оцените умеренность, проявленную русскими, строго придерживающимися этой линии, огромные жертвы, принесенные ими, страдания, через которые они прошли, вклад, внесенный ими в дело великой победы.

Польша жизненно заинтересована иметь полное согласие с ее могущественным соседом на востоке. Если вы учтете все это, если вы учтете методы, которыми ставились данные вопросы, умеренность и терпение, с которыми они обсуждались, то убедитесь, что я редко поднимал в Палате Общин вопрос, который мог бы ставить перед здравомыслящими членами всех партий с большей уверенностью в его правоте.

Значительно более важным, чем границы Польши в той форме, в которой они стали предметом гласности, является вопрос о свободе Польши.

Поляки имеют свой дом. Будут ли они хозяевами в своем собственном доме? Будут ли они так же свободны, как свободны мы в Британии, в Соединенных Штатах, во Франции?



Будет ли их суверенность и независимость ничем не ограниченной, или они подпадут под протекторат Советского государства, принужденные против своей воли вооруженным большинством принять коммунистическую систему? Я ставлю вопрос во всей его полноте.

Это дело значительно более важное и тонкое, чем установление пограничной линии.

Какова должна быть позиция Польши? Какова должна быть наша собственная позиция в этом вопросе?

Маршал Сталин и Советский Союз дали самые торжественные заверения в том, что суверенная независимость Польши будет сохраняться, и к этому решению теперь присоединились Великобритания и США.

Международная организация в свое время также возьмет на себя некоторую степень ответственности в этом вопросе. Будущая судьба поляков будет находиться в их собственных руках, с единственной оговоркой, что они должны будут честно проводить, в гармонии со своими союзниками, дружественную политику по отношению к России.

В Крымской декларации четко сформулирована процедура, принятая тремя великими державами для достижения этой жизненно важной цели.

Соглашение предусматривает консультацию с целью создания в Польше нового польского Временного правительства национального единства, с которым все три великие державы вступят в дипломатические отношения, вместо того чтобы одни признавали польское правительство, а остальные другое правительство. Если бы это положение продолжало существовать после конференции в Ялте, оно свидетельствовало бы перед миром об отсутствии единства и о неразберихе.

Мы должны были принять решение. Мы приняли это решение.

Объем и метод этих консультаций не ограничен. Британское правительство намерено сделать все, что в его силах, для того чтобы обеспечить, насколько это возможно, максимальную широту этих консультаций.

Представители всех польских демократических партий получают полную возможность изложить свои взгляды. Соответствующие меры принимаются ныне в Москве комиссией трех, в состав которой входят г-н Молотов, г-н Гарриман и сэр Арчибальд Кларк Керр, соответственно представляющие СССР, Соединенные Штаты и Великобританию.

Поляки сами с той помощью, которую союзники могут им оказать, должны будут решить вопрос о составе нового Польского правительства национального единения.

После этого Правительство Его Величества через своего представителя в Польше использует все свое влияние для обеспечения свободных выборов, которые новое Польское правительство должно будет провести. Эти выборы должны быть проведены честно и с соблюдением всех демократических гарантий.

Два руководящих принципа, положенные нами в основу решения проблемы освобожденных стран, ясны.

Пока идет война, мы оказываем помощь каждому, кто может убивать немца. Когда война останется позади, мы будем стремиться к проведению свободных демократических выборов.

Вот два основных положения, которые данное коалиционное правительство стремилось в меру своих возможностей проводить в невероятно запутанной и чрезвычайно изменчивой обстановке.

Соглашение не изменяет факта признания Правительством Его Величества Польского правительства в Лондоне.

Это будет продолжаться до тех пор, пока Правительство Его Величества не сочтет, что новое временное правительство в Польше сформировано надлежащим образом в соответствии с согласованными решениями.

Это не влечет за собой преждевременного или немедленного признания Правительством Его Величества того временного правительства, которое ныне действует на территории Польши.

Разрешите однако напомнить Палате и тем уважаемым ее членам, которые заботятся о том, чтобы наши интересы в Польше регулировались в соответствии с честью и достоинством нашей страны, что у меня с ними нет расхождений.

Мы должны предать гласности все факты, которые, я надеюсь, рассеют все существовавшие между нами разногласия.

Но если бы Польское правительство в Лондоне приняло наш искренний совет год назад, не было бы ни Люблинского комитета, ни Люблинского временного правительства.

В этом случае Польское правительство прибыло бы в Польшу в качестве ее правительства. Оно вошло бы в Польшу вместе с Русскими освободительными армиями.

Даже в октябре, когда Министр иностранных дел и я работали день и ночь в Москве, г-н Миколайчик мог прибыть в Польшу, заручившись дружбой Маршала Сталина, мог стать премьер-министром чрезвычайно широкого правительства, находящегося в Варшаве или где-либо в другом месте, в связи с тем, что Варшава превращена в руины.

Но эти возможности были упущены, а между тем немцы были полностью изгнаны из Польши.

Само собой разумеется, Люблинское правительство продвигалось вместе с победоносной русской армией, встреченной с великой радостью в обширных районах Польши.

Много крупных городов перешло из рук в руки без единого выстрела. Не случилось того, чего мы так боялись, — уничтожения подпольных армий обеими сторонами.

Русские осуществляют и готовят военные операции крупнейшего масштаба, направленные против самого сердца Германии. Они имеют право располагать коммуникациями своих армий, обеспеченными страной, в которой царит порядок, страной, управляемой правительством, действующим в соответствии с интересами русских армий.

Следовательно, не было возможно, поскольку речь идет о

признании, обеспечить роспуск Люблинского правительства и одновременно Польского правительства в Лондоне, начав все сначала. Пойти на такой шаг, значило бы поставить под угрозу успех русского наступления и соответственно продолжить войну, увеличив потери русских, британских и американских воинов.

Палата должна внимательно прочитать и перечитать, — это касается тех членов Палаты, у которых есть сомнения, — текст декларации. Каждое ее слово было предметом самого глубокого и пристального внимания глав трех государств, их министров иностранных дел и экспертов.

Как будет проведена в жизнь эта декларация? Как следует понимать такую, например, формулировку: «Свободные и ничем не воспрепятствованные выборы, на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании»?

Будет ли создано новое правительство, которое, насколько это возможно в настоящий момент, представляло бы в полной мере польский народ? Как скоро это будет сделано?

Будут ли выборы свободными и ничем не ограниченными? Смогут ли кандидаты всех демократических партий выступить перед своими избирателями и вести свою избирательную кампанию?

Что представляют собой демократические партии? У людей существуют всегда различные точки зрения по этому вопросу. Даже в нашей стране время от времени та или иная партия провозглашает, что именно она является подлинно демократической партией, а все остальные — либо большевики, либо тори-землевладельцы.

Что представляют собою демократические партии? Совершенно очевидно, что на этот вопрос может быть дан точный ответ. Будут ли выборы тем, что мы в нашей стране называем свободными и честными, делая некоторую скидку на беспорядок и сумятицу, царящие в Польше?

Мы не можем полностью избежать того, что даже в нашей стране образуются зародыши узкопартийных устремлений. Нет никакого сомнения, что и иногда чрезвычайно способные члены партии оказываются стесненными мероприятиями, проводимыми партийным руководством.

В Польше существует большое число политических партий. Мы согласились на том, что все демократические партии — все нефашисты и не сотрудничающие с врагом, — получают возможность участвовать в выборах.

По данным вопросам у нас существует совершенно четкое

суждение в соответствии с принципами декларации об освобожденной Европе, подписанной всеми тремя правительствами.

Именно на этой базе и предполагается работа Московской комиссии трех. Именно на этой базе она и начала работу.

Впечатление, сложившееся у меня от поездки в Крым и от всех других случаев общения, таково, что Маршал Сталин и другие советские лидеры желают жить в почетной дружбе и равенстве с западными демократиями. Я считаю также, что они—хозяева своего слова. Никогда никакое правительство не выполняло точнее свои обязательства, даже в ущерб самому себе, нежели русское Советское правительство.

Я категорически отказываюсь пускаться здесь в дискуссии по поводу добросовестности русских. Совершенно очевидно, что эти вопросы касаются всей будущности земного шара.



Действительно, судьба человечества была бы мрачной в случае возникновения какого-либо ужасного раскола между западными демократиями и русским народом, в случае, если бы будущая всемирная организация развалилась на части и если бы новый катаклизм немыслимого насилия разрушил то, что осталось от сокровищ и свобод человечества.

Правительство Его Величества признает, что значительные польские войсковые соединения, моряки, летчики, ныне мужественно сражающиеся на фронте, как они сражались в течение всей войны под британским командованием, принесли присягу Польскому правительству в Лондоне.

Мы твердо верим в то, что когда новое правительство, более широко представляющее волю польского народа, чем правительство в Лондоне и Временное правительство в Польше, признанное великими державами, начнет свою деятельность, будут найдены пути для преодоления этой трудности в интересах польского народа.

Превыше всего Правительство Его Величества полно решимости обеспечить возвращение в Польшу столь большого числа польских войск, сколь это будет возможно по их доброй воле, и всячески гарантировать им возможность получить место в будущей жизни их страны.

В любом случае Правительство Его Величества никогда не забудет свой долг по отношению к столь храбро сражав

шимся польским войскам, по отношению ко всем тем, кто сражался под нашим руководством.

Я твердо надеюсь на то, что им будет предоставлена возможность, если они этого захотят, получить право гражданства и свободу в Британской Империи.

Я не имею возможности выступить сегодня с декларацией по данному вопросу, так как все проблемы гражданства подлежат обсуждению между нашей страной и доминионами. Это требует времени.

Однако, поскольку это касается нас, мы должны считать честью для себя принять в свою среду таких верных и храбрых воинов и относиться к ним, как если бы они были людьми нашей крови.

Покинем берега Крыма и отправимся на юг, в теплые страны, где также существует много вопросов, в которых затронуты британские интересы.



Президент Рузвельт пригласил императора Эфиопии, египетского короля Фарука и короля Саудовской Аравии встретиться с ним в Исмаилии перед его отъездом в Соединенные Штаты. На борту крейсера были организованы соответствующие совещания.

Я лично расстался с Президентом 15 февраля в Александрийской гавани после продолжительных и весьма дружественных переговоров относительно состояния наших дел в свете Крымской конференции, а также после беседы, посвященной нашим особым делам на Дальнем Востоке, в которых, как это известно японцам, мы оба несколько заинтересованы. Мы также обсудили нашу совместную оккупацию Италии и нашу политику там.

По этому вопросу, как известно Палате, имелось не мало недоразумений, которые нашли свое отражение во многих американских газетах несколько недель назад.

Во время наших последних переговоров я неоднократно просил как Президента, так и г-на Стеттиниуса указать, имеются ли какие-либо претензии — и какие именно — у Правительства Соединенных Штатов к нам в связи с мерами, которые проведены или должны были бы быть проведены нами в Италии. Я получил категорическое заверение в отсутствии таких претензий.

Более того, я должен засвидетельствовать, что в августе прошлого года, когда я посетил Италию, мною был представлен на рассмотрение Британского правительства ряд предложений, о которых я информировал Президента. Эти предложения были направлены к смягчению суровости оккупационного режима в Италии и, вообще говоря, к облегчению тяжелой участи итальянского народа. Эти вопросы обсуждались на нашей второй конференции в Квебеке и в Гайд-Парке, в личном загородном доме Президента, где мы составили декларацию от 28 сентября, которая была рассчитана и попрежнему рассчитана на весьма определенное смягчение позиции держав-победительниц в отношении итальянского народа и на то, чтобы продемонстрировать наше желание помочь ему в свое время вновь занять подобающее место среди ведущих наций Европы.

24 февраля исполняющий обязанности председателя Контрольной комиссии союзников г-н Макмиллан и адмирал Американского флота Стоун, который является ее верховным комиссаром, были приняты премьер-министром и министром иностранных дел Италии и сообщили им о новых мероприятиях, принятых в пользу итальянского правительства во исполнение этой сентябрьской декларации.

Поскольку я сам руководил разработкой этих предложений и впоследствии обеспечением их выполнения, я не намерен согласиться с исходящими из каких бы то ни было кругов утверждениями, что хотя мы понесли такой большой ущерб и так сильно пострадали от рук Италии в дни господства Муссолини, Англия отстает от других держав-победительниц в великодушном отношении к Италии или что мы разрабатываем какую-то политику силы, которая будет распространена и на Италию.

Рад информировать, что факты, о которых я сейчас сообщил, безоговорочно признаны Соединенными Штатами или, по меньшей мере, всеми ответственными американскими кругами, и что этот взгляд получил полное одобрение Президента и г-на Стеттиниуса.

Я получил вполне определенную гарантию в том, что нам не предъявлялись и не предъявляются претензии, которые потребовали бы от меня какого-либо ответа, какой в случае необходимости был бы, несомненно, мною дан.

Стало быть, две наши страны могут продолжать свое общее дело в Италии, которое в будущем будет отягощено многочисленными новыми осложнениями и затруднениями,

но во всяком случае мы можем продолжать его в духе самого тесного доверия и единства.

Мы стремимся к тому, чтобы Италия, имеющая подлинно демократический режим, вернулась в семью трудолюбивых и миролюбивых народов. В своих усилиях оказать помощь самой себе Италия может рассчитывать на добрую волю Британии и добрую волю союзников. Она может также рассчитывать на такую материальную помощь, какую мы в состоянии ей оказать. Она всегда будет получать долю, принадлежащую ей по праву.

Несколько времени назад я сказал, что Италии придется «заработать себе на проезд». Ей остается еще проделать некоторый путь.

Несправедливостью было бы однако, если бы я не воздал должного неоценимым заслугам (полностью о них еще нельзя рассказать сейчас), которые оказаны нашему общему делу итальянскими мужчинами и женщинами в вооруженных силах, на морях, в деревнях и в тылу врага на севере.

Новые трудности, быть может, обрушатся на нас, когда будут освобождены крупные северные районы. Проблема снабжения продовольствием громадных масс населения, за которых мы будем тогда ответственны, возникнет перед нами и перед временным итальянским правительством, и само это правительство, быть может, должно будет претерпеть изменения вследствие резкого роста населения, перед которым оно в результате освобождения этих районов будет нести ответственность.

Министр иностранных дел и я сочли достойным, равно как удобным и приемлемым, встретиться с двумя правителями, которые проделали большие путешествия, чтобы прибыть в Египет по приглашению Президента. Мы решили подвергнуть дружескому обсуждению вместе с ними многочисленные вопросы, представляющие для нас общий интерес.

Нашей обязанностью было также засвидетельствовать наше почтение Египетскому королю Фаруку.

Мы сочли нужным провести беседы с президентом Сирии, чтобы, насколько это возможно, содействовать общему успокоению в Ливане.

Не следует предполагать, что имело место некое подобие общей конференции по ближневосточным делам. Уже тот факт, что регент Ирака и эмир Трансиордании Абдула не находились там, должен внести полную ясность. На всякой конференции должны были бы присутствовать такие деятели,

Не было и речи о том, чтобы наметить какую-либо новую политическую линию в отношении Ближнего Востока. Нашей целью было установить тот дружеский личный контакт, который зачастую помогает в отношениях между различными государствами.

Я должен тут же выразить нашу скорбь и возмущение в связи с убийством египетского премьер-министра. Министр иностранных дел имел с ним продолжительную и сердечную беседу за несколько дней, почти за несколько часов до того, как он пал жертвой этого злодейского удара. Смерть его является серьезной утратой для Египетского правительства и Египта.

Соболезнования от имени Великобритании вдове и семье покойного премьер-министра Египта были выражены не только телеграммами Министерства иностранных дел, но и личными визитами нашего посла. Уверен, что Палата присоединится к этим соболезнованиям.

Едва ли можно сомневаться в том, что систему государственной безопасности в Египте надо серьезно подтянуть. Люди, виновные в политическом убийстве, должны получить возмездие быстро и в показательном порядке.



Египетское правительство поступило, по нашему мнению, правильно и мудро, приняв решение объявить войну Германии и Японии и подписать декларацию Объединенных Наций.

Мы никогда не оказывали на Египетское правительство давления, чтобы оно вступило в войну. Не раз в прошлом мы рекомендовали ему обратное.

Имелись очевидные выгоды в том, чтобы избавить многонаселенный и славный город Каир от массированных бомбардировок.

Египетские солдаты за время войны сыграли важную роль. Они обеспечивали порядок повсеместно в дельте Нила, охраняли многие укрепления и склады и всячески оказывали содействие нашим вооруженным силам, успешно оградившим плодородные земли дельты от всех происков иноземных захватчиков.

Согласно нашему договору о союзе мы получали от Египта все, что нам нужно было. Сменявшие друг друга премьер-

министры и правительства Египта оказывали нам помощь в такой форме, какую мы считали наиболее действенной.

Египет это идущая вместе с нами страна. Он должен занять подобающее ему место как будущий член мировой организации и один из ее основателей в Сан-Франциско в конце апреля.

Мы рады также приветствовать Турцию в рядах Объединенных Наций.

Заключением договора о союзе в 1939 году Турция провозгласила, что она стоит на нашей стороне в такое время, когда нависшая опасность была очевидна. Как я уже ранее объяснил Палате, Турция, когда война началась всерьез, неожиданно осознала свою военную слабость. Это объяснялось решающей ролью новых видов вооружения, которого у Турции не было и которое мы не в состоянии были ей поставить.

Поскольку новое оружие господствовало на полях сражений, турки почувствовали, что они уже не могут больше доверять свою безопасность своей знаменитой пехоте и артиллерии, сохранившимся от времен прошлой мировой войны.

Поэтому мы и не требовали в течение долгого времени объявления войны Германии. Только после Тегеранской конференции мы решили, что настал момент, когда Турция может вступить в войну без серьезной опасности для себя. Турецкое правительство не сочло возможным сделать это в то время, но оно оказало нам содействие различными способами, перечисление которых не принесло бы пользы.

У нас никогда не было ни малейших сомнений, на чьей стороне были симпатии Турции.

Великобритания будет приветствовать вступление Турции в ряды Объединенных Наций, и я не считаю, что связи, возобновившиеся между нашими двумя странами после катастрофы прошлой войны, каким-либо образом подорваны.

Огромный интерес представляла для меня встреча с королем Ибн Саудом, знаменитым правителем Саудовской Аравии. Я имел честь принимать этого в высшей степени замечательного человека за завтраком во дворце Файумского оазиса.

Я передал ему благодарность Британии за его неуклонную, непоколебимую лояльность по отношению к нашей стране и общему делу. Эта лояльность с небывалой силой проявилась в самые мрачные часы, в период смертельной опасности.

Хотя мы не пришли к решению проблемы арабского мира и еврейского народа в Палестине, я надеюсь, что по окончании войны можно будет провести соответствующие меры для обеспечения спокойствия и прогресса в арабском мире и вообще на Ближнем Востоке.



Надеюсь, что Великобритания и Соединенные Штаты, интерес которых к этим делам все возрастает, сумеют подтвердить правоту известного принципа старого фритрейдера: «все законные интересы образуют гармонию».

В моих переговорах с императором Эфиопии не возникло каких-либо серьезных трудностей, так как соглашение на ближайшие два года было уже достигнуто в результате миссии лорда Делаварра, осуществленной им с таким терпением и тактом.

Я испытал большое удовлетворение, лично увидев в первый раз императора Хайле-Селасие, этого исторического деятеля, который выступал в защиту своей страны в бурной обстановке Лиги Наций. Он был первой жертвой стремления Муссолини к власти и завоеваниям и он был первый, кто вернулся на свой старинный трон благодаря тяжелым ратным трудам наших британских и индийских войск в далекие дни 1940/41 года.

И, наконец, я имел удовольствие вести продолжительные беседы с Президентом Сирии Шукри. В ходе этих бесед мы сделали все возможное, чтобы занять дружественную позицию по отношению к французам и способствовать достижению приемлемого соглашения с французами, затрагивающего не только Сирию, но также и Ливан.

Я должен разъяснить позицию Правительства Его Величества в отношении Сирии и Ливана и в отношении наших французских союзников. Эта позиция определяется событиями 1941 года, когда Великобритания провозгласила независимость этих ливанских государств.

В это время, а также и впоследствии Правительство Его Величества ясно показало, что оно никогда не предпримет попытки подменить в этих странах французское влияние английским.

Мы намерены уважать независимость этих государств и приложить все наши усилия, чтобы сохранить это особое

положение ввиду многих культурных и исторических связей, которые Франция давно завязала с Сирией. Мы надеемся, что французы сумеют также сохранить это особое положение.

Мы верим, что эти государства будут прочно установлены на новой основе авторитетом мировой организации и что привилегии Франции также будут признаны.

Однако и вы и я обязаны заявить, что не мы одни должны защищать силою либо независимость Сирии и Ливана, либо французские привилегии. Мы стремимся к обоим этим целям и не считаем их несовместимыми.

Не следует однако возлагать слишком большую тяжесть на плечи одной лишь Великобритании. Нам надо также учесть тот факт, что Россия и Соединенные Штаты признали и поддерживают независимость Сирии и Ливана, но не поддерживают специальных прав каких-либо других иностранных государств.

Все эти вопросы, а также многие другие проблемы, касающиеся Ближнего Востока, представляют собой важный объект работ мирной конференции, на которой мы должны решительно бороться за окончательное устройство и установление прочного мира между всеми народами и расами, которые населяют Ближний Восток и восточную часть Средиземноморского бассейна.



Возвращаясь из Крыма, чтобы проститься с Президентом в Александрии, Министр иностранных дел и я остановились в Афинах.

Я должен сказать, что с моей точки зрения это был один из наиболее ярких моментов всего путешествия. Не могу не вспомнить суровые обстоятельства, свидетелями которых мы были всего лишь семь недель до этого во время нашего прошлого визита, когда стреляли орудия и пули постоянно стучали в стены, когда неподалеку на улицах люди падали убитыми и ранеными.

Контраст между этими сценами и подлинно стихийным приемом, который был нам оказан огромными толпами восторженных граждан, явился одним из самых ярких, сильных и радостных впечатлений в моей жизни.

Мир воцарился в этом прекрасном бессмертном городе,

радость обуяла его жителей. Его Преосвященство Архиепископ Дамаскинос, назначенный регентом, прочно держит бразды правления в своих руках.

Мы вместе проехали в автомобиле по переполненным улицам, вдоль которых выстроились первые контингенты новой национальной греческой армии. Затем я выступил на самом многолюдном и самом горячем собрании, перед каким мне пришлось когда-либо выступать.

Такой демонстрации мне никогда не приходилось видеть. Нет в моей памяти случая, когда бы политика Правительства Его Величества была так полно оправдана событиями. Не было также и случая, когда бы в Соединенных Штатах против Британского правительства выставлялось столько предубеждений и заведомо неправильных сообщений, причем делалось это не без некоторого содействия с этой стороны Атлантики.

Все это делалось с безудержным, полным безразличием к дурным последствиям, какие имели эти действия на месте происшествий, без учета того, насколько эти выступления толкали террористов в Греции к продолжению сопротивления.

Я уверен в том, что мы спасли Афины от страшной участи. Я верю, что греческий народ долго будет воздавать хвалу нашим военным и политическим действиям. Достигнут мир без мести. Сдано большое количество оружия. Большинство пленных и заложников освобождено. Сложная работа по доставке продовольствия и товаров потребления приняла свой прежний размах.

Общественный порядок и безопасность восстановлены в такой мере, что ЮНРРА сможет вскоре возобновить свою деятельность. Британские солдаты и те, кто по указаниям генерала Скоби определял политический курс, пользуются безграничной популярностью. Правительство Его Величества продолжает контролировать и одобрять их действия.

Я не хотел бы однако заставить Палату предполагать, что наши затруднения остались позади. Предстоит еще сформировать и укрепить греческую национальную армию, чтобы она могла поддерживать беспристрастный порядок.

Бюджет в Греции надо еще тем или иным образом сбалансировать. Колебания реальной стоимости драхмы надо ввести в разумные пределы. Надо обеспечить сырье, чтобы различного рода предприятия смогли начать работать в Афинах, где имеется сейчас значительно больше миллиона

жителей. Чувство единения и ответственности должно еще укрепиться в греческом народе.

Здесь я должен заметить, что будущее Греции находится в руках самих греков. Они не должны думать, что весь процесс восстановления Греции может быть совершен трудами британцев или помощью американцев.

Министр иностранных дел провел в Афинах одним днем больше, чем я. Он приложил немало усилий, чтобы довести до сознания греческих руководителей тот факт, что теперь, когда достигнута политическая устойчивость, первое место должны занять финансовые и экономические проблемы, что бремя ответственности лежит на греческих министрах и что они ни в коем случае не должны оставаться в стороне, предоставляя выполнение этих задач иностранцам.

Я буду опечален, если эти замечания в какой-либо степени уменьшат огромную радость и энтузиазм, с которыми меня лишь недавно встречали. Если мои слова причиняют боль, не я один в этом повинен.

Напряженная политическая активность греческих умов должна и дальше заменяться вниманием к практическим проблемам. Греки должны возможно скорее добиться проведения справедливых, ничем не стесненных свободных выборов при тайном голосовании на основе всеобщего избирательного права, выборов, которых ждут все и которые одни только могут урегулировать и привести в порядок все, что был сделано.

Я жду этих выборов с полной уверенностью. Я особенно приветствую пожелание Греческого правительства о том, чтобы британские, русские и американские наблюдатели могли присутствовать на выборах и обеспечить полное и правильное волеизъявление народа.



На этом заканчиваю обсуждение эпизода, о котором у нас в последнее время было столько волнующих, иногда даже жарких дебатов.

Я премного благодарен Палате за ее любезность и внимание. Во время конференции в Ялте вошло в обычай такое положение, что главы трех правительств и министры иностранных дел встречались к вечеру и совещались по несколько часов ежедневно.

На этих встречах поднимались важные вопросы и ясно обнаруживались степень согласия и значительность расхождений. Мне особенно памятен один случай, когда наша небольшая группа погрузилась на 2—3 минуты в молчание. Вскоре было однако сочтено удобным перепоручать дальнейшее рассмотрение пунктов согласия и расхождения, на чем бы мы ни остановились, министрам иностранных дел, которые встречались по утрам.

Каждый министр поочередно председательствовал на этих совещаниях. Совместная работа министров иностранных дел давала такие отличные результаты, что почти каждый день наши проблемы поступали на рассмотрение глав трех правительств в такой форме, которая позволяла достигнуть окончательного соглашения и принять рассчитанные на долгий срок решения.

В порядке работ конференции имелось предложение об организации на время нынешнего напряженного периода регулярных встреч министров иностранных дел. В Британии много раз высказывалось пожелание об улучшении совместной коллективной работы в интересах предотвращения устранимых расхождений и в целях согласования действий трех великих держав.

По моему мнению, это было именно то, что нам требовалось, — звено, заполняющее неизбежные промежутки между встречами трех глав союзных государств.

Это предложение однако не пришлось особенно отстаивать на Ялтинской конференции, ибо работа трех министров иностранных дел оказалась столь ценной, эффективной и незаменимой, что все пожелали, чтобы совместная деятельность этих министров продолжалась.

Решение это, разумеется, является лишь временным, поскольку оно соответствует нынешнему особо напряженному моменту, когда столь тяжелое время — время войны — возложено на три великие державы.

Мы можем ожидать, что в конечном счете эта система возродится в рамках более крупной и постоянной организации, которая будет создана в Сан-Франциско, как только эта организация начнет фактически работать, а мирная конференция закончит свои труды.

До этого срока встречи между тремя министрами иностранных дел, в которых от времени до времени будут участвовать министры иностранных дел других стран, явятся несомненным подспорьем.

Настал момент, когда Палате следовало бы воздать должное трудам Министра иностранных дел г-на Идена. Я не могу передать Палате, какую помощь и поддержку оказал он мне во всех наших затруднениях. Трудные годы жизни, когда он во время прошлой войны служил в пехоте еще совсем молодым человеком, упорная работа над собой и самоподготовка к тому делу, которое впоследствии выпало на его долю, несравненный опыт Министра иностранных дел, знание внешней политики и истории внешнеполитических отношений, опыт по участию во всевозможных конференциях, широта взглядов, сила логики, духовное мужество,— все это обеспечило г-ну Идену место в первом ряду министров иностранных дел великого союза.

Я признаю сейчас не только мой личный долг перед ним, но и долг Палаты Общин. Как я думаю, за последние три зимних месяца человечество на всем земном шаре испытало больше физических мучений и несчастий, чем в любой другой период, через который прошла наша планета.

В каменном веке меньше было людей. Эти примитивные создания, недалеко ушедшие от своих предков — животных, — не знали лучшей жизни.

Мы больше страдаем, мы сильнее чувствуем.

Должен сознаться, что за все время войны я не испытывал столь сильного чувства ответственности, как во время моего пребывания в Ялте.



В 1940 и 1941 годах, когда мы, населявшие этот остров, находились в полном одиночестве и угроза вторжения была так близка, меры, которые нам надлежало принять, наше отношение к ним казались простыми и очевидными.

Если к вам из-за моря приходит человек, чтобы убить вас, вы делаете все, что в ваших силах, чтобы погубить его, прежде чем ему удастся завершить свое путешествие. Эта задача может оказаться трудной, требующей больших жертв, но зато она проста. Ныне мы вступаем в мир факторов, не поддающихся точному учету, где на каждом шагу возникают сомнения. Смотреть слишком далеко вперед — ошибка. Ведь сразу можно выковать только одно звено в цепи нашей судьбы.

Я верю, Палата признает, что наша крымская встреча укрепила наши надежды.

Узы, связывающие три великие державы, и их взаимопонимание окрепли. Соединенные Штаты глубоко и конструктивно приобщились к жизни и делу спасения Европы. Мы все трое приложили свои руки к далеко идущим соглашениям — одновременно практическим и торжественным. Будучи едиными, мы обладаем непреодолимой силой вести мир к процветанию, свободе и счастью.

Великие державы должны стремиться служить, а не управлять. Вместе с другими государствами, большими и малыми, мы сумеем основать широкую международную организацию, которая, будучи облечена обширными полномочиями, сможет охранять права всех государств — больших и малых — от агрессии или от накопления средств агрессии. И я уверен, что перед человечеством открыты лучшие перспективы, чем те, которые оно знало в прошлые века. Огни горят ярче и светят дальше, чем раньше. Будем идти все вместе вперед!

АНТОНИ ИДЕН

Министр иностранных дел Великобритании

*Речь в Палате Общин
28 февраля 1945 года*

Я думаю, что те, кто присутствовал сегодня на этих дебатах, осознали, что мы рассматриваем вопрос, который глубоко затрагивает Палату Общин.

Уважаемые члены Палаты, какова бы ни была их точка зрения, выразили свои мысли. Это очень хорошо. Очень немного найдется в мире таких учреждений, которые могли бы провести такую дискуссию, какая имела здесь место за последние два дня.

Я рад тому, что никто из наших критиков не отрицал права Правительства явиться в Палату, чтобы осведомиться, как она расценивает работу, проделанную нами в Крыму.

Позвольте мне внести одну поправку.

Я должен сделать абсолютно ясным для Палаты, что на каждой стадии этого деликатного польского дела, длящегося почти на протяжении всей войны и начавшегося задолго до нее, поскольку наше Правительство принимало в нем участие, все решения принимались военным кабинетом и ответственность лежит на военном кабинете.

Правда, мы не имели личной связи с новым польским премьер-министром и правительством, однако после моего возвращения из Крыма я часто встречался с послом, представляющим это правительство.

Я условился о беседе с польским премьер-министром и его министром иностранных дел накануне нашего отъезда в Крым. Затем внезапно и отчасти неожиданно для нас последовали парламентские прения о Греции, и я попросил моего постоянного заместителя сэра Александра Кадогана заметить меня на этой встрече.

Ни на один момент не была допущена какая-либо неучтливость со стороны Правительства Его Величества. Должен добавить, что я не могу претендовать на то, что у нас имеются столь же сердечные отношения с нынешним польским правительством, как с тем правительством, которое предшествовало ему и в отличие от него включало деятелей всех главных польских партий, представленных в Лондоне.

Поистине совершенно неразумно начинать обсуждение с Рижского договора. Я признаю, что Советское правительство действительно, в конце концов, признало Рижский договор, но ни один человек, знакомый с историей этих районов, не станет утверждать, что Россия была довольна этим решением или что, коль на то пошло, мы были довольны им.



В то время мы не раз убеждали польское правительство не расширять свои границы восточнее линии Керзона, и в течение двух лет после заключения Рижского договора мы воздерживались от признания этого соглашения, а когда в 1923 году конференция послов в конечном счете признала эти границы, эта конференция по нашей инициативе дала ясно понять, что ответственность за намеченную линию лежит на двух причастных правительствах, а не на нас.

Более того, эта конференция разъяснила, что признание границ через два года после того, как был подписан договор, требовало создания автономного режима в Восточной Галиции. Этот автономный режим фактически так и не был создан. А случилось то, что в борьбе между поляками и украинцами польские армии одержали победу и установили свой контроль над страной. Но я надеюсь, что Палата не собирается предположить, что ввиду этого то, что произошло тогда, было принято всем населением.

Этого не было. Хотя на этот район был распространен договор о национальных меньшинствах, из-за споров и опасений, возникавших там, статьи этого договора не были полностью проведены в жизнь, и, к несчастью, очень часто возникали беспорядки, ибо, и это неудивительно, и здесь нет намерения критиковать кого-либо, Восточная Галиция была районом смешанного населения, где поляки были в меньшин-

стве, но стремились увеличить свою численность в этом районе.

Разумеется, в основе всей этой проблемы лежат обстоятельства религиозного порядка. В этом районе религиозный вопрос гораздо древнее по своему происхождению, чем вопрос национальный, и им обусловлены многие чувства населения.

Но каждый должен согласиться по меньшей мере со следующим утверждением: к востоку от линии Керзона нет районов, где поляки составляли бы большинство населения, за исключением двух городов — Вильно и Львова, которые однако окружены большими районами с непольским населением. Касательно этой стороны проблемы среди нас нет разногласий.

Когда Советское правительство заявило, что оно примет линию Керзона с некоторыми незначительными изменениями, причем все они будут в пользу Польши, я не могу сказать, что я рассматривал это как большую несправедливость в отношении Польши.

Я не могу сказать этого, так как такую позицию последовательно занимали сменявшие друг друга правительства нашей страны.

Уверены ли члены Палаты, выступающие за поправку, в том, что структура польского государства была бы укреплена включением больших или значительных непольских элементов?

Происходит перемещение населения. Во многих случаях оно уже закончилось.

Мне хотелось бы сказать, что в польском государстве, в том виде, в каком оно существовало до войны, было два слабых места. Одно состояло в том, что там находились значительные национальные меньшинства, которые часто обращались с жалобами в международный трибунал в Женеве; вторым являлся «польский коридор».

Я глубоко поражен тем, что член Палаты, который внес поправку, и тот, который поддержал ее, в своих речах ни словом не обмолвились о том, какое значение имеет для Польши тот факт, что проблема коридора прекращает свое существование. Если мои друзья беспокоятся только о Польше, они должны были бы учесть этот факт. Смее ли я задать им один вопрос: какая Польша будет более сильной — Польша с Вильно и коридором или же Польша без Вильно и без коридора?

Я несколько не сомневаюсь в том, какая Польша будет сильнее, да в этом, по моему мнению, несколько не сомневается и любой человек, знакомый с международной политикой.

Когда мне пришлось из года в год заниматься в Женеве вопросом о коридоре, между поляками и немцами постоянно возникали споры, требования, обвинения и контробвинения.

Мы не могли придти к решению, имеющему реальное значение, так как такое решение не было возможно, пока существовал коридор.



Представитель Германии выступил с особенно оскорбительными выпадами против Совета Лиги Наций. После того как он и представители печати удалились, я как президент Совета счел своим долгом спросить членов Совета, не должны ли мы, учитывая поведение представителей Германии, осведомиться о том, предпримет ли какие-либо действия польское правительство в том случае, если Германия вторгнется в вольный город Данциг, за который мы несли ответственность.

Совет поставил этот вопрос, и поляки ответили утвердительно.

Я упомянул об этом случае для того, чтобы показать, какой преступной трусостью с нашей стороны было бы допустить подобное состояние дел.

Существует только одна альтернатива. Мы должны либо лишить Польшу выхода к морю, либо Восточная Пруссия должна перестать быть немецкой. В этой альтернативе я, не колеблясь, рекомендую Палате Общин вторую возможность. Не допускайте, чтобы говорили, что вы отбираете половину Польши, не разъясняя, что это означает. Это не только вопрос о том, что значит устранение коридора. Палата Общин должна также учесть имеющие большую промышленную ценность территории Восточной Силезии, которые Польша усиленно старалась получить после прошлой мирной конференции, но ее требования были отклонены.

На днях газета «Манчестер Гардиен», корреспондента по внешнеполитическим вопросам которой я до сих пор всегда считал весьма надежным источником информации, поместила рассказ американских офицеров, прибывших из Польши. По

их словам, они видели, как вступали советские войска в Польшу и как восторженно поляки приветствовали русских и их западных союзников.

Не знаю, так ли это было, но прошу членов Палаты не принимать на веру каждое сообщение, которое исходит от людей, не поддерживающих действительно тесной связи с Польшей.

Мне хотелось бы ответить на два вопроса, которые были заданы вчера о наших пожеланиях касательно Польши.

Желаем ли мы, чтобы Польша была действительно и подлинно свободной? Да, мы этого желаем. При изучении состава нового польского правительства именно нам и нашим союзникам надо будет решать, является ли это правительство, насколько мы можем судить, подлинно представительным органом польского народа.

От этого должно зависеть признание нами нового правительства. Мы не признали бы правительства, которое мы не считаем представительным. Оно должно, по мере возможности, представлять собой польские партии и включать видных польских политических деятелей.

Только об одном просили бы мы новое польское правительство, а именно о том, чтобы оно заключило договор о дружбе и союзе с Россией.

Не думаю, чтобы кто-либо счел это пожелание неразумным, так как это правительство одновременно заключило бы договор о дружбе и союзе с нами и с французским правительством.

Второй вопрос гласил: поддерживаем ли мы предложения об организации наблюдения со стороны союзников за порядком проведения выборов. Этот вопрос также обсуждался.

Греческое правительство просило обеспечить такое наблюдение. Когда придет время, мы пригласим наших русских и американских союзников примкнуть к нам в этом деле.

Быть может, новое польское правительство, когда оно будет сформировано, также пожелает установления международного наблюдения. Если, как я надеюсь, оно этого пожелает, мы, несомненно, с готовностью примем участие в этом.

Более того, мы не можем согласиться, имея в виду наш договор с Польшей, на какую-либо систему межсоюзного наблюдения, в которой мы не участвовали бы.

Окончательное решение по этому вопросу не может быть принято до того, как будет сформировано новое польское

правительство, так как это правительство должно выразить свое мнение относительно этого наблюдения, его желательности, характера и условий.

Я должен однако объяснить нашу собственную позицию, которая уже разъяснена нашим союзникам. Мы считаем такое наблюдение желательным и с радостью приняли бы в нем участие.



Мой высокочтимый друг лорд Данглас спросил меня, почему при устройстве югославских дел мы включили пункт о ратификации этого устройства новым югославским парламентом и почему мы не предусмотрели аналогичного мероприятия в соглашении о Польше. Я буду вполне откровенным с моим другом. Мы не думали об этом в то время. Мы не считали, что достаточно далеко продвинулись для этого, но я не вижу причин, почему бы не сделать такое предложение. Поскольку оно было сразу принято Югославией, у меня нет оснований думать, что оно не будет принято Польшей. Учитывая этот вопрос, я считаю желательным выдвинуть это предложение с тем, чтобы оно явилось дополнительной мерой предосторожности.

Позвольте мне перейти к вопросу о получении информации из самой Польши. Мы приветствовали бы возможность посещения англичанами этой страны, чтобы они могли сами ознакомиться с создавшейся там обстановкой.

Печать поместила ряд отчетов, однако мы приветствовали бы и другие возможности получения информации. У меня имеются основания полагать, что наши русские союзники не возражали бы против этого. Напротив, судя по тому, что я узнал сегодня, они, вероятно, приветствовали бы эти предложения.

Сейчас я скажу только, что мы поддерживаем письменную связь с нашими русскими союзниками с тем, чтобы обеспечить возможность гражданам Британии лоббировать в Польше и посмотреть, что там происходит. Мы сделаем все, что можем, чтобы довести эти переговоры до скорого благополучного конца.

Меня спрашивали, почему при подписании англо-советского договора мы не рассмотрели польский вопрос и не включили специальных пунктов, затрагивающих этот вопрос, в наше соглашение.

Ответ заключается в том, что во время заключения англо-советского договора Советская Россия и Польское правительство, находящееся здесь, поддерживали между собою дипломатические отношения.

Это был один из немногих сравнительно спокойных и обнадеживающих периодов советско-польских отношений. Тот факт, что Советский Союз и Польское правительство имели дипломатические отношения, в очень большой степени объяснялся усилиями Правительства Его Величества по достижению соглашения в 1941 году.

В то время польская проблема еще не возникла, но, разумеется, Советское правительство знает о наших обязательствах по отношению к Польше, — о них я скажу через несколько минут.

Я должен еще раз ясно и точно сформулировать нашу позицию в вопросе о признании Польского правительства.

Мы надеемся, — я ничего не обещаю Палате, — никто не может быть уверен в том, как все будет протекать, — но, говорю я, мы надеемся, что при переговорах в Москве будут присутствовать польские представители из самой Польши и извне и что в результате этих переговоров возникнет подлинно представительное польское правительство.

Если это произойдет и если это правительство, как говорится в коммюнике, будет сформировано должным образом, то тогда мы и наши союзники признаем это правительство временным правительством Польши, временным до тех пор, пока не произойдут выборы. Если такое правительство не будет создано, то тогда мы останемся в таком положении, в каком находимся сегодня: мы и Соединенные Штаты будем признавать Лондонское правительство, а Советское правительство будет признавать Люблинское правительство, — не особенно благоприятное положение дел для Польши и для единства между нашими двумя странами.

Обсуждаемая нами поправка утверждает, что рекомендация, которая составляет главную часть решения польской проблемы, противоречит договору. Это не так. Мы никогда не гарантировали довоенной границы Польше. Я не считаю, что согласие рекомендовать линию, которая была намечена в свое время, как линию, приближающуюся, насколько это возможно, к этнической границе, означает прямое нарушение положений Атлантической хартии.

Что касается последней части поправки, то меня поражает,

как можно усмотреть в ней критику политики, которую проводит Правительство.

Мы стремимся к тому, чтобы Польше было дано полное право самой избрать себе правительство, свободное от влияния какой-либо другой державы или держав. Я не понимаю поэтому, как такие стремления могут подвергаться критике.

Добьемся ли мы успеха или нет, — этого я сейчас не могу сказать, но у меня, как я надеюсь и у Палаты, нет ни малейших сомнений в том, что не только нашим правом, но и нашей обязанностью является предпринять эту попытку.



Вывдвигались утверждения, что мы, следуя тем курсом, который получил теперь общее согласие в некоторых отношениях, нарушили англо-польское соглашение 1939 года. В этой связи вспомнили один секретный протокол. Эти опасения не имеют под собой никаких оснований. В англо-польском договоре, как и в любом другом документе, не содержится никаких гарантий о границах Польши. Правительство, находившееся у власти в 1939 году, представило Палате полную информацию о договоре. Поступив совершенно правильно, оно сделало еще один шаг, разъяснив смысл секретного протокола, о котором упомянул один из выступивших членов Палаты.

(Г-н Иден зачитал ответ, данный в свое время заместителем министра иностранных дел, который ныне занимает пост министра образования. В ответе говорится: «Во время переговоров, которые привели к подписанию соглашения, Польское правительство и Правительство Его Величества считали подразумевающимся, что соглашение распространяется только на случай агрессии Германии, и Польское правительство подтверждает это».)

Не может быть и речи о каких-либо обязательствах, взятых в отношении восточной границы в это время или в любое другое время. Смысл этого секретного протокола заключается в том, чтобы ограничить обязательства, которые были представлены на рассмотрение Палаты Общин.

Я не мог цитировать эти документы, не ознакомившись с другими документами. В этом деле нет никаких тайн. Имея некоторый опыт в этих делах, я убедился в том, что прави-

тельство, находившееся в те дни у власти, представило Палате абсолютно правильную информацию, и что Палата никоим образом не была введена в заблуждение.

Меня спрашивали, какие причины помешали нам заключить договор с Россией в 1939 году. Тут я снова касаюсь таких дел, которыми я непосредственно не занимался. Правильный ответ, по моему мнению, заключается в том, что Россия поставила условием заключения договора право двинуть свои войска через Польшу или через Балтику в случае войны с Германией.

Тогдашнее польское правительство, запрошенное по этому поводу, заявило, что оно не согласится пропустить русские войска. Я думаю, что это в основном и явилось главной причиной разрыва переговоров.

Некоторые члены Палаты с большим чувством говорили, что наши ялтинские решения явились источником беспокойства для всего мира. Я не могу согласиться с этим.

Насколько мне известно, Геббельс обеспокоен больше всех, и если бы Палата прочла ту продукцию, которая выпущена Геббельсом после Ялтинской конференции, она получила бы верное представление о том, насколько успешной была эта конференция.

Но не в этом только дело. Если бы Палата просмотрела обзор американской или, лучше сказать, шведской печати, ибо Швеция по традиции дружна с Польшей, просмотрела бы ту рецку прессу, она нашла бы широкое одобрение того, что мы пытались достигнуть. Надо обладать безграничной самоуверенностью, чтобы утверждать, что проделанная нами работа является источником беспокойства.

Я не могу сказать Палате наверняка, каково будет действие этих мероприятий позднее, зная, какие бесконечные трудности предстоят нам.

Быть может, мы не будем иметь успеха, но я думаю, что многие из моих друзей поступили бы более разумнее, если бы они высказали свое мнение попозже.

Достигнуть совершенного решения этой проблемы невысказано, но, несомненно, тот факт, что три великие державы достигли соглашения о методе решения этой проблемы, является шагом вперед.

Все время, с тех пор как польско-советское соглашение 1941 года было сорвано инцидентом, который еще свеж в памяти членов Палаты, меня беспокоили две главные заботы в решении этой проблемы. Во-первых, какие бы последствия

имела неудача попыток восстановить отношения для Польши и, во-вторых, как отразилась бы эта неудача на трех великих странах, совместно ведущих войну.

Я считаю, что когда, наконец, будет достигнуто окончательное решение этого вопроса, что еще не сделано,—причем разрешите мне снова повторить здесь, что то, что мы высказали, является нашей точкой зрения,—я считаю, что тогда будет обнаружено, что созданная таким образом Польша будет фактически такой же сильной или еще сильнее, чем Польша, существовавшая в 1939 году.

Все это зависит, разумеется, от того, каким образом будет выполняться это соглашение, и правительство вполне отдает себе в этом отчет.



Меня спрашивали, почему мы в то время, когда приступали к этой проблеме в Крыму, не покончили с польскими правительствами, почему Британское правительство не отказало в признании Польскому правительству в Лондоне, а русские не перестали признавать Люблинское правительство, чтобы начать все дело заново.

Это было заманчивое предложение, которое послужило отправным пунктом наших обсуждений. Но трудность в том и заключалась, что русские заявляли, что они должны иметь на линиях своих коммуникаций какую-нибудь власть.

Нравится нам Люблинский комитет или не нравится, — откровенно говоря он мне не нравится, — в настоящий момент он является властью, которая действует в этом районе. Русские не знали, сколько времени потребуется для формирования нового польского правительства, — несколько недель или несколько месяцев.

В течение этого периода Польша не могла обходиться без органов власти.

Поэтому мы сошлись на том, что в ожидании создания нового правительства Советское правительство будет попрежнему признавать Люблинское правительство, а мы и Соединенные Штаты будем попрежнему признавать Лондонское правительство.

Г-н Гринвуд (лидер парламентской фракции лейбористской партии) сожалел о том, что было принято решение и

было достигнуто соглашение за спиной Польского правительства.

По мнению г-на Гринвуда, мы должны были бы пригласить представителей Польского правительства на конференцию в Ялте после того, как достигли определенной стадии в наших дискуссиях, и обсудить вместе с ними положение.

Разумеется, мы подумали об этом, но какое правительство должны были мы пригласить? Люблинское правительство? Но мы и Соединенные Штаты считаем, что оно не представляет полностью польскую нацию.

Пригласить Польское правительство, находящееся здесь, в Лондоне? Советское правительство считает, что оно не представляет собой польский народ. Пригласить оба правительства?

Но кроме некоторых чисто внешних результатов такое решение не принесло бы удовлетворения, так как те польские государственные деятели, которые имеют больше всего последователей в Польше, — это, конечно, вопрос личной симпатии или личного мнения, — являются поляками, которые находятся в Польше либо в Лондоне, но не входят в состав ни одного из двух правительств.

Мы поступили так, как нам только можно было поступить. Мы не могли созвать всех их в Ялте. Если бы мы сделали это, то, несомненно, и теперь еще находились бы там, поэтому мы решили назначить тройственную комиссию для разрешения этой задачи.

Выступавшие здесь говорили о комиссии, состоящей из советского министра иностранных дел и двух послов. Один или два оратора, как мне показалось, указывали, что в таком составе комиссии имеются слабые стороны.

Разумеется, наш посол будет действовать по указанию Правительства. Он не будет уклоняться от своих инструкций.

Сэр Вильям Беверидж указывал, что наш посол говорил о необходимости признать Люблинское правительство. Мне неизвестно, когда он сказал это, но несомненно, он никогда не говорил чего-либо подобного ни мне, ни Премьер-Министру, ни кому-либо из наших коллег.

Он достаточно хорошо знает, какую позицию занимает Правительство Его Величества в этом вопросе.

Высказывалось предположение, что мы поступили бы благоразумнее, если перестали бы заниматься польскими делами. Я не могу согласиться с этим. Это было бы политической отчаяния.

Люблинское правительство продолжало бы в таком случае действовать при поддержке Советского правительства.

Мы не знаем, каковы условия в Польше в настоящее время. Я не уверен, что все сведения, какие получены членами Палаты о состоянии польского общественного мнения, являются точными.

Не уверен я также и в том, что политические деятели, выехавшие из страны пять лет назад, могут в точности знать, что переживает их страна сейчас. В Польше за последние пять лет произошли перевороты не только в действиях, но и в мыслях.



Таковы те проблемы, которые мы должны решать. Что же случится с Польшей в случае, если нас постигнет неудача?..

Разве каждому члену Палаты не ясно, что, восстанавливая Польшу в качестве подлинно независимого государства, все три великие державы должны будут помочь ей в восстановлении разрушений.

Польша не получит этой помощи, если между тремя великими державами не будет согласия. Следовательно, ясно, что возвращение к политике, на которой здесь настаивали некоторые члены Палаты, — продолжать признавать находящееся в Лондоне правительство, в то время как русские будут признавать Люблинский комитет, было бы плохой услугой Польше.

Возможно, конечно, что нам даст большое моральное удовлетворение то, что мы не сошли с тех возвышенных позиций, на которых находились.

Я полностью разделяю мнения Премьер-Министра, высказанные им вчера.

Трудно ныне не ощущать гнета европейских проблем, значительно больших по своим масштабам, нежели проблемы, с которыми мы имели дело после прошлой войны. Прошло шесть лет войны невиданных масштабов. Вспомним о разрушениях, причиненных бомбардировками с воздуха, которых в прошлую войну не было вовсе, разруху, вызванную угоном многих миллионов рабочих в рабство в Германию.

Только в том случае, если три великие державы будут работать рука об руку, можно говорить о возрождении Европы, о спасении ее от анархии и хаоса.

Премьер-Министр говорил вчера о трудности сохранения этого единства и мира. Конечно, он прав.

Я считаю, что после пережитой нами войны нет для государственного деятеля более важной задачи, нежели усиление этого единства и попытки найти совместно решение тех проблем, перед которыми все мы стоим.

Я слушал речи членов Палаты и ощутил всю искренность выражений и мыслей, которые в них содержались.

Некоторые ораторы выразили мнение, что нынешнее Правительство, Премьер-Министр и я не проявили должного авторитета, не сумели отстоять правильную точку зрения.

Я отвергаю это и прошу их задать самим себе несколько вопросов. Внешняя политика Британии в течение многих столетий основывалась на решимости не допустить господства в Европе какой-либо одной державы. Мы верим в Европу. Мы являемся частью Европы, и лично я убежден в том, что не найдется какой-либо одной страны, которая когда-либо будет господствовать в Европе.

Европа слишком велика, чтобы одной нации удалось установить свое господство. Именно в силу такой позиции, в силу нашего инстинктивного стремления, мы имеем особое положение в Европе и к нам питают особое доверие.

Когда я слушал некоторые выступления в ходе наших прений, я не мог не чувствовать, что некоторые из моих друзей, говоря о Польше, имели в виду не только Польшу (а один-два из них, мне кажется, так и заявили), но опасения, что Россия, воодушевленная замечательными победами ее армий, мечтает также о европейском господстве.

Это постоянная тема германской пропаганды. Ее изливают на нас день за днем, не переставая, и она доходит до нас во всевозможных неожиданных формах и под всевозможными соусами.

Это было их темой и до войны. Затем темой стало большевистское пугало, и как хорошо Гитлер использовал эту тему! Как часто лицам, посещавшим съезды в Нюрнберге, немцы говорили, что они движимы страхом перед Россией.

Мне очень часто твердили это в различные периоды, даже сам Гитлер. Это была постоянная тема.

Может ли кто-нибудь сомневаться в том, что эта тема перед войной была постоянным элементом, который затруднял нам создание любой формы взаимопонимания с Советской Россией?

Может ли кто-нибудь сомневаться, что если бы мы в 1939 году имели единство между Россией, Англией и Соединенными Штатами, которое мы сцементировали на конференции в Ялте, то не было бы нынешней войны?

Я пойду еще дальше. Может ли кто-нибудь сомневаться, что, пока мы сохраняем это единство, не будет новой войны?



Мы не говорим, что мы можем создать условия, при которых никогда больше не будет войны, но я скажу, что если мы сможем сохранить это единство, то мы можем установить мир на двадцать пять, на пятьдесят лет, но если мы не сможем сохранить единства, то не будет мира и на этот период времени.

Не сомневайтесь, что в момент, когда прекратится эта борьба, Германия снова примется за старую тему своей пропаганды. Она снова будет пытаться натравливать нас против России, Россию против Америки и против нас.

Она будет играть на настроениях жалости, и ей хорошо известно, как это делать. Весь оркестр германских жалоб будет снова звучать на самых высоких нотах. Постараемся же не стать жертвой этого обмана.

Я говорю Палате, что мы должны быть на-чеку, быть деятельными и сильными, делать все, что в наших силах, чтобы обеспечить полную свободу и независимость нашего польского союзника, поскольку это является нашим правом и нашим долгом, но в то же время мы не должны слишком легко пасть жертвой подозрений по адресу другого союзника. Этого мы должны остерегаться.

Я заверяю Палату, что Правительство сделает все, что в его силах, чтобы обеспечить осуществление целей, о которых рассказали Палате Премьер-Министр и я.

Мы на середине пути. Впереди много трудностей, которые предстоит преодолеть.

Ни Премьер-Министр, ни я, мы не можем определить, насколько наша работа будет успешной. Но если уважаемые члены Палаты считают, что мы не должны делать попыток, — а я не могу поверить, что это возможно, — я прошу их, взываю к ним поддержать нас в нашем движении вперед. Я прошу их поддержать нас действительно сильным и решительным

голосом. Иначе мы внесем смятение в умы людей во всем мире, в умы наших польских друзей.

Этого не следует делать только в том случае, если мы не хотим объединить тех, кто представляет Польшу.

Я прошу Палату полностью поддержать нас в той работе, которую мы ведем, в свете тех гарантий, которые я здесь изложил, заявить, что мы располагаем ее доверием теперь и что мы будем располагать им и в будущем при условии, что мы выполним взятые на себя обязательства.

И 109254

Центральная научная
Библиотека при ХДУ

Кв. №

Редактор: Пресс-атташе Великобританского Посольства в СССР

Отпечатано в 3-й типографии «Красный пролетарий». Москва,
Краснопролетарская, 16.

